

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В.А. Веселов*

СМЕНА «ЯДЕРНЫХ ВЕКОВ»: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

2018 год богат на знаменательные юбилеи. В контексте развития современных международных отношений особую актуальность, безусловно, приобретает 50-летие Договора о нераспространении ядерного оружия. Однако с точки зрения оценки перспектив поддержания стратегической стабильности, роли ядерного оружия в мировой политике и, шире, определения и понимания контуров нового мирового порядка как минимум не меньшее значение имеет еще один юбилей – 20-летие «второго ядерного века». Для того чтобы выявить ключевые содержательные характеристики этого феномена, в рамках данной статьи предпринята попытка сравнительного анализа отличительных черт и особенностей обоих «ядерных веков». Автор подробно освещает причины и предпосылки вступления международных отношений в «первый ядерный век», на основе изучения американских доктринальных документов и аналитических материалов прослеживает эволюцию ядерной стратегии США и их ходов к проблемам сдерживания и определения политических целей войны. Особое внимание в этой связи уделено складыванию стратегического паритета между СССР и США, роли соглашения ОСВ-1 и Договора по ПРО в выработке представлений о стратегической стабильности и становлении неформального «кодекса поведения» ядерных держав. В статье отмечается, что «первый ядерный век» хронологически совпадает с «холодной войной», но эти явления не тождественны. В качестве начала отсчета «второго ядерного века» предлагается рассматривать такие события, как вступление в «ядерный клуб» Индии и Пакистана, проведение испытаний баллистических ракет большой дальности в КНДР и пересмотр политики в отношении противоракетной обороны в США, приведший вскоре к их выходу из Договора по ПРО 1972 г. Автор заключает, что к числу ключевых особенностей «второго ядерного века»

* *Веселов Василий Александрович* – старший преподаватель факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 15-37-11136.

следует отнести сохранение «центрального сдерживания» при одновременном возрастании роли и значения новых политических конфигураций с участием ядерных и неядерных государств, многие из которых имеют весьма специфические подходы к формулированию своей военной политики и стратегических установок. В совокупности эти факторы составляют основу системы военно-политического взаимодействия ведущих государств мира в условиях формирующегося нового мирового порядка.

Ключевые слова: «второй ядерный век», ядерное сдерживание, стратегическая стабильность, взаимное гарантированное уничтожение, «холодная война», «ядерный клуб», гибкое реагирование, международная безопасность, мировой порядок, система международных отношений, Договор о нераспространении ядерного оружия.

2018 год будет отмечен двумя важными датами. В июле исполнится 50 лет Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Несколько ранее, в конце мая, начнется третье десятилетие «второго ядерного века», точкой отсчета для которого, в частности, послужили ядерные испытания, проведенные Индией и Пакистаном в 1998 г. Если первое событие, вероятно, будет должным образом отмечено и на политическом, и на академическом уровнях, то второе рискует пройти незамеченным. Между тем оба юбилея теснейшим образом связаны между собой, при этом для современной мировой политики второй имеет отнюдь не символическое значение.

Приближение этих дат — повод задуматься о том, как влияет ядерный фактор на мировую политику, почему конец 1960-х годов — важный рубеж в этом отношении и почему «второй ядерный век» — не броский лозунг, а значимая характеристика современного мирового порядка.

Первыми подходами к проблеме «второго ядерного века» можно считать работы, опубликованные в 1994–1996 гг. [Arnett, 1994; Lavoy, 1995; Iklé, 1996; Payne, 1996]. Их появление, кроме общей для всех тогда темы осмысления последствий окончания «холодной войны», было обусловлено двумя крупными событиями — первой «ядерной тревогой» на Корейском полуострове (1993–1994) и проведением первой Конференции по рассмотрению действия ДНЯО (1995). Если значимость корейских событий сегодня не вызывает сомнений, то о причинах созыва участников Договора, вероятно, следует напомнить современному читателю. Дело в том, что ряд государств, для которых присоединение к ДНЯО было вынужденным¹, настояли

¹ Речь идет прежде всего о ФРГ, Италии и Японии. Эти государства подписали Договор под сильным давлением США (соответственно 28 ноября 1969 г., 28 января 1969 г. и 3 февраля 1970 г.) и всячески затягивали процесс его ратификации (ФРГ и Италия — до 2 мая 1975 г., Япония — 8 июня 1976 г.).

на том, чтобы его положения не носили бессрочного характера. В итоге Договор был открыт для подписания 1 июля 1968 г. и вступил в силу 5 марта 1970 г. Установленный срок его действия – 25 лет – истекал в 1995 г.

На первой Обзорной конференции ДНЯО он был продлен бессрочно², но это решение не было простой формальностью и потребовало от официальных ядерных держав политических уступок остальным участникам Договора. Ситуация еще больше осложнялась последствиями окончания «холодной войны»: с одной стороны, после распада СССР исчез советско-американский консенсус по нераспространению, который сделал возможным сам факт заключения ДНЯО, с другой – «вышли из тени» многие региональные конфликты, которые стимулировали процесс распространения ядерного оружия (ЯО).

В этой связи Э. Арнетт и П. Лавой посвятили свои работы военно-политическим последствиям ядерного распространения в новых условиях. Характерно, что П. Лавой для своей статьи (по форме – рецензии на книгу С. Сагана и К. Уолтца [Sagan, Waltz, 1995], но необычного для этого жанра объема в 60 страниц) выбрал название, буквально совпадающее с работой будущего министра обороны США Дж. Шлесинджера, вышедшей в период выработки проекта ДНЯО³, подчеркнув тем самым преемственность вызовов международной безопасности. П. Лавой не использовал термин «второй ядерный век», однако в своем анализе последствий новой волны распространения ЯО выразил опасение, что лидеры новых членов «ядерного клуба» не будут обладать той рациональностью и воздержанностью, которая была присуща «старым членам» в «первом ядерном веке» [Lavoу, 1995: 743], тем самым определив критерий разграничения двух периодов. Ф. Икле и К. Пейн посвятили свои работы рассмотрению связи двух элементов ядерного фактора в мировой политике⁴ – распространения и сдерживания, и именно эти авторы впервые ввели в научный оборот понятие «второй ядерный век», причем К. Пейн вынес его в название своей книги [Paune, 1996]. Следует отметить, что и Ф. Икле, и К. Пейн принад-

² 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Final Document. Part II Documents issued at the Conference // United Nations. Available at: <https://unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/assets/WMD/Nuclear/pdf/finaldocs/1995%20-%20NY%20-%20NPT%20Review%20Conference%20-%20Final%20Document%20Part%20II.pdf> (accessed: 12.02.2018).

³ Schlesinger J.R. The strategic consequences of nuclear proliferation. Santa Monica, CA: RAND Corp., 1966. Available at: <http://www.dtic.mil/get-tr-doc/pdf?AD=AD0634741> (accessed: 10.02.2018).

⁴ О структуре ядерного фактора см.: [Веселов, 2010].

лежат к консервативному лагерю, оба занимали высокие посты в Пентагоне⁵, и их выводы послужили аргументами в проходившей в 1990-е годы борьбе вокруг противоракетной обороны (ПРО).

Для того чтобы убедить американский военно-политический истеблишмент в целесообразности выхода США из Договора по ПРО 1972 г. консерваторы в полной мере использовали события 1998 г., которые признаются точкой отсчета «второго ядерного века» авторами работ, вышедших в 1998–2003 гг. [Кокошин, 1999, 2003; Кокошин и др., 2001; *The absolute weapon revisited*, 1998; Freedman, 1998, 2003; Bracken, 1999, 2000, 2003; Gray, 1999; Cha, 2001]. К числу этих событий относятся прежде всего ядерные испытания в Индии и Пакистане и запуск баллистической ракеты большой дальности в КНДР. Череду публикаций данного периода открывает сборник статей под редакцией Т. Пола, Р. Харкнетта и Дж. Виртца [*The absolute weapon revisited*, 1998], для которого было выбрано весьма символическое название, перекликавшееся с трудом Б. Броди его коллег «Абсолютное оружие: ядерная мощь и мировой порядок» [*The absolute weapon*, 1946]). Таким способом авторы конца 1990-х годов подчеркивали радикальный характер изменений стратегического ландшафта, сопоставимый по своему значению с появлением ЯО в середине 1940-х. Один из участников данного сборника, К. Грей (еще одна заметная фигура в консервативном лагере), выпустил также монографию, в которой значительное внимание уделено трансформации сдерживания в условиях «второго ядерного века» [Gray, 1999]. Британский историк и военный теоретик сэр Л. Фридман посвятил специальную работу новому стратегическому ландшафту [Freedman, 1998], в частности «второму ядерному веку», в очередном издании своего обобщающего труда по эволюции ядерной стратегии [Freedman, 2003].

В России первым исследователем проблем «второго ядерного века» стал академик А.А. Кокошин, представивший результаты своей работы в докладе на заседании Президиума Российской академии наук 16 февраля 1999 г. и в последующих публикациях [Кокошин, 1999, 2003; Кокошин и др., 2001]. По его оценке, «человечество входит в XXI в. на фоне совершенно иной стратегической обстановки, чем та, что виделась многим экспертам еще год назад [до испытаний в Индии, Пакистане и КНДР. — *В.В.*]. Появление двух новых ядерных держав, а также стран, которые создают ракетное

⁵ Ф. Икле был заместителем министра обороны при Р. Рейгане. К. Пейн занимался выработкой ядерной политики в первой администрации Дж. Буша-мл., в частности был основным автором «Обзора ядерной политики» 2001 г., а также участвовал в выработке аналогичного документа администрации Д. Трампа в 2018 г.

оружие большой дальности, позволяет утверждать, что в международных отношениях складывается качественно новая ситуация и либеральный мировой порядок, на который многие рассчитывали после окончания “холодной войны”, не состоялся» [Кокошин, 1999: 903].

Особо следует отметить работы профессора Йельского университета П. Брэкена [Bracken, 1999, 2000, 2003]. Он также обратил внимание не просто на усложнение стратегического уравнения, которое затрудняет расчеты и принятие решений акторами, а на ряд системных изменений в мировой политике. П. Брэкен, в частности, сравнил появление новых обладателей ЯО и средств его доставки с выходом на арену мировой экономики «азиатских тигров» в 1960–1970-х годах [Bracken, 1999]. Отличие состоит в том, что если «тигры» были вписаны в американоцентричную систему мирохозяйственных связей, то расширение списка участников «ядерного клуба» имело совершенно иные мирополитические последствия, усилив претензии третьих держав на «право голоса» при формировании нового мирового порядка.

Нетрудно заметить, что именно проблема превращения региональных акторов в помеху на глобальном уровне рассматривалась в качестве центральной в документах военно-политического планирования США в 1991–1992 гг.⁶ В этой связи возвращение разработчиков данных документов (Р. Чейни, П. Вулфовица, Д. Рамсфелда, Л. Либби и др.) во власть после выборов 2000 г. предвещало высокий приоритет темы «второго ядерного века» в политическом дискурсе, но этому помешали события 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними многолетняя «глобальная война с террором».

Новый всплеск интереса к теме произошел только в 2009 г. [Krepinevich, 2009; Gerson, 2009; Krepon, 2009; Levite, 2009]. Причины возвращения внимания исследователей к проблемам «второго ядерного века» было несколько. Во-первых, завершение «стратегического зигзага», начавшегося 11 сентября, и постепенное смещение фокуса исследований международной безопасности от проблем терроризма к широким вопросам организации мирового порядка. Во-вторых, заявка России на наличие собственных представлений о принципах устройства мира, четко обозначенная в выступлении

⁶ Подборка рассекреченных документов Пентагона, раскрывающих характер и направление военно-политического планирования в тот период (с явным расчетом на второй срок президента Дж. Буша-ст.), опубликована Архивом национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона. См.: ‘Prevent the Reemergence of a New Rival’. The Making of the Cheney Regional Defense Strategy, 1991–1992 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/index.htm> (accessed: 10.02.2018).

президента В.В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. В-третьих, вступление в «ядерный клуб» КНДР, что, с одной стороны, усилило аргументы сторонников «глобального нуля», а с другой — заставило еще раз задуматься о роли ЯО в качестве инструмента политики.

А. Левити [Levite, 2009] посвятил работу рассмотрению особенностей нового «ядерного века», который он предложил считать не вторым, а уже четвертым (подробнее см. далее). Остальные авторы публикаций этого периода сосредоточились скорее на последствиях данного феномена и с разных сторон изучали одну и ту же проблему — как относиться к ядерной многополярности, когда новая биполярность неприемлема политически. Так, Э. Крепиневич использовал собственный термин «второй ядерный режим» и отметил, что целесообразным ответом на новые вызовы станут повышение эффективности ядерного сдерживания как инструмента политики, а также наличие потенциала для ограниченного применения ЯО, «если сдерживание не сработает» [Krepinevich, 2009]. Таким образом, решение он видел в военно-технической плоскости, что неудивительно для представителя интеллектуальной части американского военно-политического истеблишмента, ученика и «выдвиженца» Э. Маршалла. В таких же координатах рассматривал проблему и М. Джерсон, полагавший, что ответом на нее может стать перенос соперничества в иную сферу — соревнование в высокотехнологичных видах обычных вооружений, где отрыв США от соперников казался тогда гарантированным. Специалист по контролю над вооружениями М. Крепон [Krepon, 2009] назвал одной из важных характеристик нового «ядерного века» переход от количественных факторов к качественным, что должно соответствующим образом быть учтено в российско-американском диалоге (напомним, в то время вырабатывался проект нового Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанного в Праге в 2010 г.).

Политические аспекты преобладали в следующей серии исследований, появление которых в 2012–2014 гг. было, на наш взгляд, обусловлено новым курсом администрации Б. Обамы — «переносом центра тяжести в Азию» (*rebalance to Asia*). Одним из первых на это среагировал П. Брэкен, выпустивший новую работу, в которой помимо продолжения начатого ранее анализа последствий «возвышения Азии» уделил особое внимание «возвращению ядерного оружия на сцену мировой политики» [Bracken, 2012]. На этих двух темах также сосредоточились авторы вышедших вскоре двух коллективных работ [Strategy in the second nuclear age, 2012; Asia in the second nuclear age, 2013]. По мнению исследователей, надежды на «глобальный ноль» не оправдались, поэтому ЯО вернулось на-

долго. В этой связи нуждаются в дополнительной проработке с учетом новых реалий такие фундаментальные проблемы теории ядерной политики, как рациональность акторов и устойчивость системы при многомерных воздействиях. Для последнего сюжета представляется важным введение авторами одной из статей — Л. Бруксом (бывший руководитель Национальной администрации по ядерной безопасности США) и М. Рэпп-Хупер — нового понятия «трилемма безопасности», описывающего многостороннее взаимодействие в ядерной сфере [Brooks, Rapp-Hooper, 2013: 292–293]. Иллюстрацией справедливости этого подхода могут служить работы индийских ученых, рассматривающих многостороннее взаимодействие в масштабах всего «ядерного клуба» — в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона и в конфигурации Индия—КНР—Пакистан [Narang, 2014; Kampani, 2014; Kampani, Gopaldaswamy, 2017].

В то же время начиная с 2014 г. стали появляться специальные работы, посвященные проблемам стратегической стабильности в условиях «второго ядерного века». Причина такого интереса достаточно очевидна — возобновление конфронтации между Россией и Западом, заставившее обратиться к теоретическим построениям времен «холодной войны», которые на ее исходе превратились в практические политические решения, позволившие избежать перехода в «горячую» фазу. К числу этих работ относятся публикации Г. Кобленца, З. Гарсии, Ч. Фергюсона и Б. Макдональда [Koblentz, 2014; Garcia, 2017; Ferguson, MacDonald, 2017]. Не умаляя значения вклада остальных исследователей, необходимо особо отметить опубликованную Федерацией американских ученых работу Ч. Фергюсона и Б. Макдональда, в которой авторы впервые специально рассмотрели феномен многополярности в привязке к оборонительным, а не наступательным вооружениям — влияние на стратегическую стабильность процесса распространения систем ПРО [Ferguson, MacDonald, 2017].

К настоящему времени ряд исследований по рассматриваемой проблематике замыкает совместная работа американских и российских ученых, вышедшая под эгидой Американской академии искусств и наук [Brooks et al., 2018]. Ее авторы критикуют концепцию «второго ядерного века», настаивая на том, что с 1945 г. по настоящее время продолжается единый период [Brooks et al., 2018: 20]. В то же время они вынесли в название своей работы термин «новый ядерный век», не уточнив его разграничение со «старым». Возможно, такая терминология подходит к современным реалиям, когда все чаще говорят о «новой холодной войне». Тем не менее дискуссия не окончена, и автор настоящей работы хотел бы внести свой посильный вклад в ее развитие.

Тот факт, что применение нового оружия против двух японских городов — не просто появление еще одной военной технологии, а рубеж в мировой политике, начало «ядерного века», наиболее проникательные исследователи политических последствий бомбардировок Хиросимы и Нагасаки осознали практически сразу. Спустя всего месяц после первого применения ЯО, в сентябре 1945 г., в Чикагском университете⁷ состоялась конференция «Контроль над атомной энергией». Один из ее участников, Б. Броди, назвал свой доклад «Стратегические последствия атомной бомбы», а в следующем году вместе с коллегами по Йельскому университету Ф. Данном, А. Уолферсом, П. Корбеттом и У. Фоксом опубликовал сборник статей «Абсолютное оружие: ядерная мощь и мировой порядок» [The absolute weapon: Atomic power and world order, 1946]. Оценивая последствия появления ЯО, Б. Броди писал: «До сих пор главной задачей военной машины было выигрывать войны, теперь ее главная задача — предотвращать их» [Brodie, 1946: 76].

Первые исследователи верно оценили мирополитический масштаб последствий появления нового оружия. Они подчеркивали, что исключительная мощь ЯО должна изменить существующие представления о войне и политике. Однако сегодня очевидно, что их выводы и оценки несколько опередили свое время.

Б. Броди, изучавший стратегические последствия новых технологий еще в 1930-е годы, исходил из того, что их распространение неотвратимо, а значит, атомная монополия не сможет просуществовать достаточно долго и неизбежно возникновение ситуации, когда нанесение ущерба будет взаимным. В этой связи ЯО должно быть не средством ведения войны, а инструментом сдерживания.

Необходимо отметить, что само понятие «сдерживание» как способ применения военной силы для достижения политических целей значительно старше ядерной эпохи. Вероятно, впервые идея воздействовать на восприятие противника таким образом, чтобы удержать его от нежелательных действий, была изложена почти 2500 лет назад в «Трактате о военном искусстве» Сунь-цзы. Он отмечал, что «лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь. Самая лучшая война — разбить замыслы противника» [Сунь-цзы, 1995: 28]. Очевидно, что один из способов этого достичь — заставить противника бояться возможных потерь и ущерба, которые он может понести в результате ответной реакции на

⁷ Символично, что политологи собрались именно там, где в 1942 г. физики под руководством Э. Ферми впервые осуществили управляемую цепную реакцию.

свои действия. Если ущерб будет больше, чем плоды планируемых действий, то придется от них отказаться.

Таким образом, сдерживание предстает как один из способов управления поведением противника путем предотвращения каких-либо его действий, навязывания ему бездействия или принуждения к мерам, противоречащим его интересам (как правило, уступкам). Однако, хотя функция устрашения, как и функция разрушения, всегда была присуща военной силе как инструменту политики, она действовала далеко не всегда, поскольку подобрать соответствующие аргументы для воздействия на восприятие противника было не так просто. Ситуация принципиально изменилась с появлением ЯО.

Оно не было первым видом оружия массового уничтожения (ОМУ), но его разрушительные свойства совершенно по-новому поставили вопрос о размере потенциального ущерба. Именно ЯО смогло создать достаточный психологический эффект за счет красноречивой демонстрации возможных последствий ответных действий противника. Соответственно новое звучание приобрела и проблема «приемлемости» и «неприемлемости» цены, которую придется заплатить за достижение политических целей.

Как следствие, появление ЯО потребовало и пересмотра устоявшихся представлений о соотношении политической цели войны и применяемых средств ее достижения. При этом практически сразу сформировались два взгляда, две «линии мышления», до сих пор влияющие на ядерную политику. Первая (линия Б. Броди и его единомышленников) изложена ранее; второй, прямо противоположной, придерживались те политические и военные деятели в США, которые тогда принимали решения о применении ЯО. По их мнению, атомные бомбы являются таким же оружием, как и другие боеприпасы [Rosenberg, 1983; Herken, 1988; Schnabel, 1996; Broschius, 1999, Curatola, 2016]. Соответственно ЯО – это то, чего не хватило в свое время Дж. Дуэ, чтобы его концепция «воздушной мощи» [Дуэ, 1936] стала действительно работоспособной [см.: Фененко, Веселов, 2016]. При этом логика планировщиков ВВС армии США осенью 1945 г. была точно такой же, как и у Дж. Дуэ в начале 1920-х годов: если предотвратить новую мировую войну не удастся, то необходимо исключить ее затягивание, нанеся противнику «нокаутующий удар» в самом начале боевых действий и вынудив его принять условия политического урегулирования.

Первым известным документом, излагавшим подобный взгляд на роль и возможности применения ЯО, является меморандум генерал-майора Л. Норстэда, отвечавшего за планирование операций

в штабе ВВС армии США, который был направлен руководителю «Манхэттенского проекта» генерал-майору Л. Гровсу 15 сентября 1945 г. (т.е. спустя 12 дней после капитуляции Японии)⁸. В документе было указано количество ядерных боеприпасов, необходимое, по подсчетам ВВС, для такого разрушения военно-промышленного потенциала СССР, которое могло бы лишить Москву возможности вести длительную войну. В этой связи представитель ВВС спрашивал у Л. Гровса, на какое количество атомных бомб можно реально рассчитывать при планировании операций.

Зафиксированная в документе идея – нанесение немедленного удара, лишаящего противника способности сопротивляться, – радикально отличалась от принципов организации воздушного наступления против Германии и Японии в годы Второй мировой войны, когда интенсивность бомбардировок наращивалась постепенно в течение нескольких лет [Rearden, 1998]. Именно исходя из этого нового подхода к планированию, ВВС производили расчеты потребности в ядерных боеприпасах. При этом в меморандуме Л. Норстэда содержалось важное уточнение: штаб ВВС не считает необходимым оценивать потребности для ведения «затяжной войны на истощение» (*prolonged war of attrition*).

Примечателен выбор целей – города СССР и Маньчжурии⁹, вносящие существенный вклад в производство ключевых видов вооружения, военной техники и стратегических видов сырья¹⁰. В документе еще не использовался современный термин «неприемлемый ущерб», но по сути речь шла именно об этом: последствия ядерных ударов должны были заставить противника прекратить борьбу перед угрозой дальнейшей эскалации, поскольку руководство СССР оценит степень риска, на который придется ему пойти для достижения своих политических целей.

⁸ Atomic bomb production. Memorandum for Major General L.R. Groves. 15 September 1945 // War Department. Headquarters of the Army Air Forces. Washington, D.C. Available at: <http://blog.nuclearsecrecy.com/wp-content/uploads/2012/05/1945-Atomic-Bomb-Production.pdf> (accessed: 17.12.2017).

⁹ При этом в расчеты не было включено ни одного объекта на территории стран Восточной Европы. В то же время ВВС планировали использовать для ударов по СССР базы на Курильских островах. Эти детали показывают, что не для всех американских военных договоренности политиков в Ялте и Потсдаме были руководством к действию.

¹⁰ В «минимальный» вариант списка были включены 15 городов, имевших «высший приоритет» в качестве целей: Москва, Баку, Новосибирск, Горький (Нижний Новгород), Свердловск (Екатеринбург), Челябинск, Омск, Куйбышев (Самара), Казань, Саратов, Молотов (Пермь), Магнитогорск, Грозный, Сталинск (Новокузнецк) и Нижний Тагил. См.: Atomic bomb production. Memorandum for Major General L.R. Groves. 15 September 1945. Available at: <http://blog.nuclearsecrecy.com/wp-content/uploads/2012/05/1945-Atomic-Bomb-Production.pdf> (accessed: 17.12.2017).

Судя по имеющимся данным, разработанная впервые осенью 1945 г. методология отбора целей и определения требований к количественному и качественному составу ядерного арсенала использовалась в США по меньшей мере до принятия в конце 1960 г. первого интегрированного плана применения ядерных сил SIOР-62 [Rosenberg, 1983; Sagan, 1987; Kaplan, 2015]. Только в следующем плане, SIOР-63, утвержденном при Дж. Кеннеди в рамках реализации стратегии «гибкого реагирования», появилось разделение на первый и последующий удары и начала разрабатываться концепция «эскалации» [Kaplan, 2015], а основным вариантом нацеливания стал контрсиловой для «ограничения ущерба» (см. далее).

Сегодня очевидно, что до середины 1950-х годов ЯО в действительности еще не было «абсолютным оружием». Для этого должна была произойти «термоядерная революция» и появиться средства доставки ЯО с глобальной досягаемостью (особенно за счет морского базирования). Тем не менее тенденции в соотношении целей и средств ядерной политики были совершенно верно определены первыми исследователями.

В свое время К. фон Клаузевиц, характеризуя взаимосвязь политической цели войны и применяемых средств ее достижения, отмечал, что «политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилom как для цели, которая может быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий» [Клаузевиц, 1934: 9]. Это означает, что для оценки эффективности сдерживания необходимо соотносить политическую цену действий или бездействия с уровнем ожидаемых издержек (ущерба). Очевидно, что чем выше прогнозируемый ущерб от применения ЯО, тем более весомые политические цели могут быть реализованы с помощью сдерживания без непосредственного применения силы.

Вместе с тем политическая цель имеет свою цену не только для того, против кого она выдвинута, но и для того, кто ее выдвигает. Политические цели, реализуемые с помощью сдерживания, должны быть соотнесены со всей системой национальных приоритетов государства, с одной стороны, и с той ценой, которую оно будет готово заплатить в случае, если сдерживание не сработает и противник предпочтет начало военных действий. Таким образом, сдерживание — прежде всего политико-психологический феномен, для которого характерно достаточно сложное сочетание прямых и обратных связей [Журавлев и др., 2016; Wellerstein, 2016].

Сдерживание по самой своей природе взаимно и обусловлено военными возможностями каждой из сторон, какими бы различными они ни были. Но если с появлением ЯО спектр таких воз-

возможностей расширился до бесконечности, то набор политических целей остался ограниченным. Даже в тотальных войнах XX в. никто не ставил задачу уничтожения самой человеческой цивилизации.

* * *

Реальная угроза уничтожения, появившаяся в результате создания в середине 1950-х годов двухстадийных термоядерных зарядов и средств их доставки в любую точку Земли, продемонстрировала верхний предел потенциального ущерба в случае применения ЯО. Задачей военных, политиков и ученых при этом стало определение нижнего предела, который позволял бы «абсолютному оружию» оставаться используемым средством достижения политических целей. Это привело к формированию представлений о «неприемлемом ущербе» в работах, опубликованных с середины 1950-х до середины 1960-х годов и составивших «вторую волну» теории сдерживания¹¹.

Одними из центральных вопросов, на которых было сосредоточено внимание исследователей в тот период, были эффективность официально принятых подходов к применению ЯО в качестве инструмента политики и связанная с ними критическая оценка убедительности сдерживания, основанного на угрозе возмездия.

Вероятно, лучше всего ответ на эти вопросы сформулировал Г. Киссинджер в краткой формуле: «Для того чтобы сдерживание было эффективным, требуются наличие убедительной способности, воли ее использовать и осознание этого противником. Сдерживание является производением, а не суммой этих факторов. При отсутствии хотя бы одного из них сдерживание не срабатывает» [Kissinger, 1960: 171]. Под убедительной способностью (*credible capability*) Г. Киссинджер при этом понимал возможность нанесения ущерба, размер которого будет для противника достаточным аргументом для отказа от своих намерений («разрушения замыслов» по Сунь-цзы). В справедливости краткой формулы Г. Киссинджера не приходится сомневаться. Без соответствующих материальных возможностей, готовности их применить, а также какого-либо способа довести до сведения противника эти факты угроза возмездия не может достичь цели.

Определением требований к материальному наполнению данной формулы занимались практики, работавшие параллельно с теоре-

¹¹ К важнейшим работам «второй волны» следует отнести: [Броди, 1961; Военная политика и национальная безопасность, 1958; Кан, 1966; Киссинджер, 1959; Осгуд, 1960; Шеллинг, 2007; Kaplan, 1958, 1959; Kaufmann, 1954, 1958; Wohlstetter, 1958; Brodie, 1958, 1966; Snyder, 1959, 1960, 1961; Kissinger, 1960; Kahn, 1961; Halperin, 1961, 1963; Limited strategic war, 1962; Knorr, 1966; Schelling, 1966].

тиками. Первопроходцами новой методологии в США были специалисты «Группы оценивания систем оружия» (Weapons Systems Evaluation Group, WSEG), созданной еще в 1947 г. решением первого министра обороны Дж. Форрестола для экспертной проработки проектов решений в сфере военно-технической политики, в том числе программ создания новых военных технологий и концепций их применения, имеющих долгосрочный и особо затратный характер, когда цена ошибок особенно высока. В декабре 1960 г. группа подготовила доклад № 50 «Оценка стратегических наступательных систем оружия», адресованный новой администрации США¹². Доклад содержал прогноз развития стратегических ядерных сил (СЯС) на период 1961–1967 гг. (т.е. почти два президентских срока) и концепцию их применения, альтернативную как официально принятой тогда стратегии «массированного возмездия», так и предложениям экспертов из Корпорации РЭНД, предлагавших контрсиловые варианты развития СЯС для «ограничения ущерба» США от ответных действий противника. Специалисты WSEG отмечали, что в работах РЭНД недооцениваются потенциальные возможности СЯС противника и преувеличивается способность к «ограничению ущерба» для США в результате контрсиловых ударов.

Новый министр обороны Р. Макнамара заслушал доклад WSEG в первые же дни своего пребывания в должности (26 января 1961 г.). Он отверг рекомендации группы по стратегической концепции применения СЯС, но воспринял ее методологию – системный анализ. Несколько лет спустя, в 1965–1966 гг., Р. Макнамара, ознакомившись с результатами новых исследований ядерного сдерживания (см. далее), пришел к тем же выводам, что и авторы доклада № 50, в части концепции применения СЯС, признав нереальность «ограничения ущерба» и неизбежность «взаимного гарантированного уничтожения» (ВГУ). Однако в 1961 г. глава Пентагона принял рекомендации экспертов РЭНД, положив их идеи в основу первой модификации стратегии «гибкого реагирования» – контрсилового нацеливания в интересах «ограничения ущерба». Р. Макнамара впервые объявил о принятии новой ядерной стратегии в феврале 1962 г. Выступая в Конгрессе с докладом о проекте военного бюджета на 1963 фин. г., он отметил: «Главной задачей стратегических сил возмездия является сдерживание развязывания войны своей способностью уничтожить военный потенциал против-

¹² Ponturo J. Analytical support for the Joint Chiefs of Staff: The WSEG experience, 1948–1976. Arlington, VA: Institute for Defense Analysis, 1979. Available at <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a090946.pdf> (accessed: 17.12.2017).

ника»¹³. Таким образом, нанесение удара по противнику первыми служило гарантией «ограничения ущерба» для США.

Последующая эволюция взглядов министра обороны была в значительной степени результатом проведенного в 1963–1964 гг. по указанию Р. Макнамары исследования, имевшего целью экспертную оценку пределов возможностей «ограничения ущерба». Задача исследования была сформулирована начальником управления НИОКР Г. Брауном (будущим министром обороны в администрации Дж. Картера) следующим образом: определить принципиальные возможности «ограничения ущерба» в условиях крупномасштабного обмена ударами СЯС США и СССР и предложить оптимальное распределение ресурсов между пятью заданными технологиями: гражданской обороной (массовым строительством убежищ для населения); «плотной» системой ПРО территории страны «Nike X»; контрсилowymi ударами межбаллистических ракет (МБР) США по объектам триады СЯС СССР (базы МБР и подводных лодок (ПЛ), аэродромы); противолодочными операциями против советских ПЛ в море; противовоздушной обороной территории США (прежде всего действиями истребительной авиации). Руководителем работы был назначен сотрудник аппарата министра обороны бригадный генерал Г. Кент.

Исследование было завершено к сентябрю 1964 г.¹⁴ Проведя большой объем работ по моделированию сценариев обмена ядерными ударами, эксперты обнаружили, что возможность существенно снизить свои потери («ограничить ущерб») благодаря нанесению контрсилового первого удара, как это предполагалось принятой официально концепцией применения СЯС в рамках стратегии «гибкого реагирования», отсутствует. По итогам исследования были сделаны три важных вывода: во-первых, стратегическое равновесие между СССР и США определяется главным образом возможностями наступательных вооружений; во-вторых, в случае крупномасштабного обмена ударами ни у одной из сторон нет шансов ограничить свои потери и избежать катастрофических последствий; в-третьих, какими бы крупными ни были вложения США в технологии, направленные на «ограничение ущерба», они всегда будут обесценены меньшими по размеру вложениями СССР в возмож-

¹³ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the fiscal year 1963–67. Defense program and 1963 defense budget. 14.02.1962 // U.S. Department of Defense. Available at: http://www.dod.mil/pubs/foi/logistics_material_readiness/acq_bud_fin/148.pdf (accessed: 17.12.2017).

¹⁴ A summary study of strategic offensive and defensive forces of the U.S. and USSR. 08.09.1964. Основные результаты исследования изложены в: [Kent et al., 2008].

ности наступательных средств. Таким образом, результат исследования оказался противоположен поставленной задаче.

Именно в ходе этой работы, показавшей иллюзорность надежд на «ограничение ущерба», была сформулирована альтернативная аналитическая конструкция – «гарантированное уничтожение» (*assured destruction*), к которой несколько позднее было добавлено «взаимное». Данная конструкция определяла взгляды на стратегическое равновесие до конца «холодной войны» и породила целый ряд попыток найти выход из этой ситуации и вернуть США свободу рук (см. далее). Самой известной такой попыткой была «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ). При этом именно в сфере ПРО результаты «исследования Кента» были наиболее важны. Расчеты показали, что проектировавшаяся в то время система ПРО «Nike X» не отвечает критерию «стоимость/эффективность», поскольку прогнозируемый рост наступательных возможностей СЯС СССР потребовал бы чрезвычайно больших расходов на отражение ударов по территории США. Однако политический вывод из этого факта – отказ от создания ПРО территории страны – не мог тогда найти поддержки в Конгрессе [Clearwater, 1999: 82–90].

В этой связи администрация Л. Джонсона предприняла попытку достичь договоренности о взаимном отказе от таких систем на саммите в Гласборо в июне 1967 г., но представлявший СССР Председатель Совета Министров А.Н. Косыгин не имел полномочий на обсуждение данной темы (он прибыл в США на заседание Генеральной Ассамблеи ООН в связи с «шестидневной войной» на Ближнем Востоке), поэтому договориться не удалось. Возник тупик: система экономически нецелесообразна, но отказ от нее политически неприемлем. Выход сначала был найден в замене «плотной» системы ПРО, направленной против СССР, на «тонкую» систему территориальной ПРО «Sentinel», рассчитанную на отражение ограниченного удара со стороны Китая. Таким образом, ядерное распространение пришло на выручку контрдерживанию, сохранив жизнь самой идее прикрытия национальной территории средствами ПРО. В конечном счете переговоры между США и СССР все же начались в ноябре 1969 г. и завершились подписанием в мае 1972 г. Договора¹⁵, закрепившего взаимный отказ от создания ПРО территории страны, т.е. признание неотвратимости возмездия и неизбежности ущерба. В основе подписанного одновременно До-

¹⁵ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. Подписан в Москве 26 мая 1972 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/russia_usa.shtml (дата обращения: 11.02.2018).

говора ОСВ-1¹⁶ лежала также констатация связанного с этим факта нецелесообразности наращивания наступательных возможностей СЯС сверх определенного предела, зависящего от размеров неприемлемого ущерба.

С середины 1960-х годов в центре внимания военно-политических исследований в США оказались проблемы, связанные с войной в Индокитае, поэтому 1966 год условно считается временной границей «второй волны» теории сдерживания, в ходе которой, как уже сказано, были сформированы все базовые представления, сохраняющие свое значение до настоящего времени.

Дальнейшее развитие теории происходило в соответствии с содержанием упомянутой «формулы Киссинджера» (наличие достаточных средств и возможностей для нанесения ущерба противнику; политическая воля применить их в случае необходимости; понимание противником потенциальных последствий и реальности угрозы). Развитие первого компонента формулы — материального наполнения сдерживания — приобрело к тому времени даже избыточный характер. В сентябре 1967 г. Р. Макнамара публично заявил, что США имеют в своем распоряжении примерно в пять раз больше зарядов, чем необходимо в соответствии с критерием нанесения противнику неприемлемого ущерба (около 2200 единиц)¹⁷. При этом высокий удельный вес самого живучего — морского — компонента триады гарантировал возможность ответного удара, а количество зарядов на ПЛ — 656 единиц — примерно в полтора раза превышало «критерий Макнамары».

Еще раньше, в середине 1950-х годов, подобный сценарий развития событий предсказывал один из соавторов Г. Киссинджера по исследованию влияния ядерной стратегии Гордон Дин: «Если соревнующимися будет достигнут такой этап, когда обе стороны обладают способностью уничтожить друг друга, то количественная сторона вопроса потеряет свое значение»¹⁸. На практике эта ситуация сло-

¹⁶ Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Подписано в Москве 26 мая 1972 г. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/1901886> (дата обращения: 11.02.2018).

¹⁷ Remarks by Secretary of Defense Robert S. McNamara before the United Press International Editors and Publishers. San Francisco, CA, Monday, September 18, 1967 // Congressional Record — House. 18.09.1967. Н 12063- Н 12066. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP70B00338R000300100105-8.pdf> (accessed: 11.02.2018).

¹⁸ Дин с 1954 г. возглавлял рабочую группу Совета по международным отношениям по исследованию влияния ядерного оружия на внешнюю политику. По решению Совета основные результаты исследования были опубликованы одним из участников группы Г. Киссинджером в вышедшей в 1957 г. книге как его «личное мнение». См.: [Дин, 1959: 33].

жилась спустя десятилетие, что в свою очередь и открыло путь к переговорам, начавшимся в Хельсинки в 1969 г. и послужившим базой для кодификации ядерного сдерживания в заключенных в 1972 г. Договорах по ОСВ и ПРО.

Конец 1960-х годов – вообще исключительно важный рубеж в истории «ядерного века». Именно тогда сформировались основные представления о роли ЯО в мировой политике и международной безопасности, сохраняющие значение по сей день, были выработаны первые концепции стратегической стабильности, сложился неформальный кодекс поведения ядерных держав. Некоторые исследователи даже полагают возможным начинать с этого времени отсчет истории «второго ядерного века» [см., например: Levite, 2009]. Согласиться с этой точкой зрения нельзя, поскольку и после этого, вплоть до конца 1980-х годов, ключевую роль продолжало играть «центральное сдерживание» (США–СССР). Впрочем, эта система не была статичной и до распада СССР прошла в своей эволюции несколько этапов.

Первый этап (июль 1945 г. – август 1949 г.) характеризуется ядерной монополией США. На втором этапе (1950–1954), после успешного испытания ЯО в СССР, она была ликвидирована, но уязвимость американской территории еще оставалась несоизмеримо меньшей, чем у Советского Союза. В тот период СССР не имел ни межконтинентальных средств доставки, ни авиационных и морских баз вблизи США, подобных американским базам у своих границ. В этой связи третий этап был связан с развертыванием в СССР начиная с 1955 г. средств доставки ЯО, способных достигать территории США (бомбардировщиков М-4 и Ту-95, МБР, баллистических и крылатых ракет на ПЛ). На четвертом этапе, к концу 1960-х годов, благодаря чрезвычайным усилиям Советскому Союзу удалось выйти на уровень примерного равенства с США по количеству носителей ЯО. В это время и возникло понятие стратегического паритета между двумя ядерными державами. Признанием факта его установления стали договоры, подписанные в Москве в мае 1972 г.

Путь к этим соглашениям и к определенному уровню стратегической стабильности был чрезвычайно сложным и отмечен целой серией напряженных моментов, когда возникала прямая или косвенная угроза применения ЯО. Речь идет прежде всего о четырех кризисах: двух вокруг Тайваня (1954, 1958), Берлинском (1961) и Карибском (1962). Каждый из них (особенно Карибский) сопровождался высоким накалом военно-политического и идеологического противостояния в глобальном измерении, рассматривался обеими сверхдержавами как столкновение двух мировых систем,

«ставки» в котором были предельно высоки. В то же время каждый кризис способствовал формированию общих для двух сторон взглядов на обеспечение ядерной безопасности, становлению системы взаимного сдерживания, в основе которой лежала концепция ВГУ. Напомним, что именно после Карибского кризиса в США было начато упомянутое «исследование Кента».

* * *

Две опоры концепции ВГУ – осмысление политических уроков названных кризисов и результаты расчетов, показавших невозможность «ограничения ущерба» до «приемлемого» уровня в случае обмена ударами – сохраняют свое значение по сей день. Вместе с тем, гарантируя стратегическую стабильность, принцип ВГУ существенно связывает ядерным державам руки в мировой политике, поэтому одновременно с подписанием Договора ОСВ-1, «заморозившего» количество стратегических носителей ЯО в двух компонентах СЯС, США начали интенсивно оснащать свои МБР и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), увеличивая свое преимущество перед СССР по совокупному числу ядерных зарядов. Догнать США по данному показателю Советский Союз смог только к концу «холодной войны».

Одновременно с приобретением новых технических возможностей (РГЧ ИН давали не только количественное, но и качественное преимущество) с середины 1970-х годов в США непрерывно ведется разработка новых концепций применения ЯО, что составляет основное содержание «третьей волны» теории ядерного сдерживания. Отражением этих поисков стали концепции «избирательного» («выборочного») применения ЯО, которые, судя по всему, до настоящего времени лежат в основе официальных взглядов США на ядерную политику. Опережающее по сравнению с Советским Союзом развертывание РГЧ ИН на МБР и БРПЛ позволяло Вашингтону рассчитывать на получение качественного преимущества в условиях зафиксированного Договором ОСВ-1 примерного количественного равновесия с СССР, поскольку на переговорах по ОСВ-2 общее число ядерных зарядов сторон было «вынесено за скобки» ядерного баланса.

При этом способность обеих сверхдержав причинить друг другу неприемлемый ущерб отступала на второй план, перестав быть главным критерием сдерживания, как это сложилось при Р. Макнамаре. Первоочередное внимание стало уделяться таким факторам, как способность контролировать эскалацию, гибкость реагирования в условиях кризисов, что требовало повышения живучести и на-

дежности комплекса управления и улучшения связи руководства государства с объектами СЯС. При этом должны были выполняться требования «эскалационного доминирования», согласно которым на каждой ступени «лестницы» американцам необходимо иметь преимущество перед противником и свободу выбора для возможного перехода на более высокие ступени без доведения конфликта до масштабов уничтожения, предусмотренных «критерием Макнамары». Об этом следующим образом высказался министр обороны Дж. Шлесинджер, выступая в Конгрессе с докладом по военному бюджету на 1976 фин. г.: «Если одна из сторон сумеет найти путь для ликвидации способности другой к гибкому и контролируемому ответу, она получит возможность оказывать давление на противника и добиваться уступок, не доводя дело до всеобщей катастрофы»¹⁹.

Изменения в официальных подходах США к ядерному сдерживанию были закреплены в начале 1974 г. в президентской директиве № 242 и утвержденных министром обороны Дж. Шлесинджером «Политических указаниях по применению ядерного оружия»²⁰. Согласно новым взглядам в составе СЯС определялись силы для избирательных ударов по стратегической триаде противника и одновременно предусматривался живучий «резерв», который мог бы гарантированно нанести противнику «неприемлемый ущерб», в случае если на ограниченный удар США тот ответит не таким же ограниченным, а массированным ударом.

При этом усложнялась задача выбора целей при малом наряде сил: с одной стороны, это должны быть достаточно ценные объекты, чтобы потери были чувствительны, с другой – ущерб не должен быть таким, чтобы противник ответил широкомасштабным ударом с последующей неуправляемой эскалацией.

Следует отметить, что данная проблема имела в тот период существенное политическое значение, поскольку манипулирование угрозами нанесения избирательных ядерных ударов рассматривалось в качестве одного из инструментов достижения победы в «холодной войне». Убедительность (*credibility*) ядерной стратегии

¹⁹ Report of Secretary of Defense James R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and transition budgets, FY 1977 authorization request and FY 1976–1980 defense programs. 05.12.1975 // U.S. Department of Defense. Available at: http://history.defense.gov/resources/1976-77_DoD_AR.pdf (accessed: 17.12.2017).

²⁰ National Security Decision Memorandum 242. Policy for Planning the Employment of Nuclear Weapons. 17.01.1974 // National Security Council. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-24b.pdf> (accessed: 17.12.2017); Policy Guidance for the Employment of Nuclear Weapons. 03.04.1974 // U.S. Department of Defense. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-25.pdf> (accessed: 17.12.2017).

США должна была заставить противника (руководство СССР) поверить в возможность применения ЯО и признать свое поражение на ранних этапах конфликта [Marlo, 2012].

До конца «холодной войны» официальные взгляды на ядерную политику оставались в русле «доктрины Шлесинджера», что было закреплено в утвержденной президентом Дж. Картером директиве № 59²¹ и принятой при Р. Рейгане NSDD-13²².

Значительный политический эффект имело и расширение исследований проблемы «неприемлемого ущерба» в 1980-е годы в широком контексте анализа последствий применения ЯО. Достоянием гласности стали работы американских ученых Ф. фон Хиппеля, А. Каца и других исследователей, посвященные социальным и экономическим результатам ядерной войны [Daugherty et al., 1986; Katz, 1982; Katz, Osdoby, 1982]. Была введена типология возможных «постъядерных» состояний государств и рассмотрена их связь с количеством доставляемых к целям боеприпасов.

В работах 1980-х годов ученые обратили особое внимание на так называемые побочные эффекты при нанесении «избирательных контрсиловых ударов», предусмотренных принятыми в то время официальными подходами к применению ядерных сил, развивавшими положения «доктрины Шлесинджера». Было показано, что, несмотря на тенденцию к снижению мощности отдельных ядерных зарядов, обусловленную переходом к РГЧ ИН и ростом точности наведения боевых блоков на цели, а также сокращением числа объектов, поражаемых ядерными боеприпасами на нижних ступенях «лестницы эскалации», «побочные эффекты» все равно приведут к крупномасштабным потерям среди гражданского населения.

Опубликование результатов исследований и общественный резонанс в свою очередь создавали благоприятные условия для продолжения переговоров между США и СССР даже на фоне нарастания конфронтации в 1981–1983 гг. При этом расширение учеными разных стран исследований проблем международной безопасности в условиях вертикального ядерного распространения (в количественном и качественном измерениях), возможных последствий ядерной войны, влияния технологических прорывов на стратегическую стабильность послужило базой для подготовки и принятия

²¹ Presidential Directive / NSC-59 (PD-59). Nuclear Weapons Employment Policy. 25.07.1980 // The White House. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb390/docs/7-25-80%20PD%2059.pdf> (accessed: 17.12.2017).

²² National Security Decision Directive 13. Nuclear Weapons Employment Policy. 19.10.1981 // The White House. Available at: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-13.pdf> (accessed: 17.12.2017). О преемственности подходов Дж. Картера и Р. Рейгана см.: [Richelson, 1983].

политических решений в сфере контроля над вооружениями. К сожалению, подобной «связи науки и практики» не наблюдается в настоящее время, когда уровень конфронтации обоснованно сравнивается с пиками «холодной войны». Более того, после ее окончания широко распространились взгляды, согласно которым устоявшиеся представления о роли ЯО в мировой политике и международной безопасности должны быть полностью пересмотрены на том основании, что международные отношения в современном мире сложнее биполярного противостояния прошлого века. В этой связи при обсуждении перспектив перехода к контролю над ядерными вооружениями в многостороннем формате вместе с понятием ВГУ и «неприемлемого ущерба», которые считаются устаревшими, часто отбрасывается даже само представление о стратегической стабильности [Савельев, 2013].

С этим подходом трудно согласиться. О преждевременности отказа от таких базовых понятий, как ВГУ и «неприемлемый ущерб», говорит уже тот факт, что в современной науке порог наступления «ядерной зимы» аргументированно пересматривается в сторону снижения [см., например: Robock et al., 2007; Robock, Toon, 2012; Mills et al., 2014]. С последствиями вооруженных конфликтов и наносимым при этом ущербом напрямую связана проблема стратегической стабильности. Причем речь идет не только о ЯО, но и об обычном оружии, поскольку еще в 1980-е годы учеными и специалистами разных стран было показано, что в таком регионе, как Европа, масштабное использование обычных вооружений и сил общего назначения сопоставимо с применением ОМУ [Кокошин, 1988; Huntington, 1983; Mearsheimer, 1982, 1983; Betts, 1988]. Именно поэтому критерии анализа технологий, влияющих на стратегическую стабильность, должны рассматриваться через призму концепции сдерживания. Очевидно, что чем выше стратегическая стабильность, тем ниже вероятность применения оружия, в том числе ядерного. Однако способность нанести ядерный удар (в рамках ответных мер на действия противника) – одно из важнейших условий убедительности сдерживания, а потенциальный ущерб – его главная характеристика.

Завершение «холодной войны» привело к тому, что вместе с конфронтацией прекратился и диалог между двумя сверхдержавами по проблемам обеспечения стратегической стабильности. Интересы сторон существенно разошлись. Внимание США с 1992 г. переключилось на обеспечение выгодных им балансов сил в регионах, что требовало «обуздания» потенциальных претендентов на роль центров силы, в том числе посредством интервенций. Соответственно в структуре ядерного фактора в мировой политике на первый план

вышло контрраспространение. Приоритетами для Российской Федерации в тот период были преодоление кризисных явлений и выживание СЯС. Остановить деградацию потенциала ядерного сдерживания удалось лишь ценой больших усилий к концу десятилетия. Ключевые вопросы, касающиеся направлений строительства СЯС и ядерной стратегии, были рассмотрены на заседании Совета безопасности Российской Федерации 3 июля 1998 г. По словам академика А.А. Кокошина, в то время секретаря СБ РФ, руководившего подготовкой этого заседания, при выработке рекомендаций по приоритетам ядерной политики учитывались в том числе радикальные изменения стратегического ландшафта, считающиеся сейчас началом «второго ядерного века». По оценке А.А. Кокошина, тогда были «фактически выработаны решения, в основном определившие облик наступательных и оборонительных ядерных сил России до и после 2010 г.» [Кокошин, 1999: 902]. 20-летие этого события станет, видимо, еще одним незамеченным юбилеем 2018 г., но его истинное значение сегодня очевидно.

* * *

Произошедшие в конце 1990-х годов глубокие изменения в стратегическом ландшафте позволили целому ряду ученых утверждать, что наступила новая фаза – «второй ядерный век» [Bracken, 1999, 2000, 2003, 2012; Gray, 1999; Rühle, 2007; Krepon, 2009; Gerson, 2009; Strategy in the second nuclear age, 2012; Asia in the second nuclear age, 2013; Koblentz, 2014; Montgomery, 2016; Garcia, 2017]. Его начало не может быть привязано к какой-либо точной календарной дате. Так же было и с «первым ядерным веком», отсчет которого можно было бы вести или от первого применения ЯО в Хиросиме и Нагасаки, или от первого испытания в Аламогордо, или от начала Манхэттенского проекта, или от открытия деления урана. Скорее всего, было бы правильно считать началом «первого ядерного века» 1945 год, имея в виду не только состоявшиеся первые испытания и применение, но и переход к новой – послевоенной – эпохе. Демонстрация возможностей ЯО проводилась не столько в интересах продолжения конфронтации, сколько в качестве заявки на определение контуров послевоенного устройства мира, вскоре приобретшего специфические черты «холодной войны».

Начало «второго ядерного века» было обозначено цепью событий, произошедших в 1998–1999 гг., первым из которых стало расширение «ядерного клуба», зафиксированное серией ядерных взрывов в Индии и Пакистане весной 1998 г. Этот факт важен не только сам по себе (первое открытое расширение «ядерного клуба» после вступления в силу ДНЯО), но и по своим последствиям с точки

зрения формирования нового стратегического ландшафта на рубеже XX–XXI вв.

Речь идет об окончательном становлении Азии в качестве не просто географического, но и особого экономического и военно-стратегического региона, простирающегося от Средиземноморья до Японских островов. Азиатские государства превратились из объекта мировой политики, арены противоборства сверхдержав в «холодной войне» в весьма динамичного субъекта, в границах которого находятся претендующий на роль глобальной державы Китай, новые ядерные государства Индия, Пакистан и КНДР, «де-факто ядерный» Израиль, «околоядерный» обладатель ракетных технологий Иран.

При всей несхожести этих стран их объединяет одно: «правила игры», которыми они руководствуются, отличаются от правил «первого ядерного века», определявшихся сверхдержавами. На первый план выходят военно-политические отношения между самими азиатскими государствами. Многое говорит в пользу того, что в Азии, в отличие от Европы, эпоха вооруженных конфликтов между крупными акторами еще не миновала, и это придает ядерному фактору особую значимость.

Еще одной приметой наступления «второго ядерного века» стало опубликование в США в том же 1998 г. (почти одновременно с расширением «ядерного клуба») доклада комиссии, возглавлявшейся бывшим и будущим министром обороны Д. Рамсфелдом, в котором было зафиксировано возрождение идеи территориальной ПРО, запрещенной Договором по ПРО 1972 г. Крупным «подарком» сторонникам этой концепции в августе 1998 г. стал запуск многоступенчатой баллистической ракеты в КНДР. Независимо от того, была ли это неудачная попытка вывести на орбиту искусственный спутник Земли или испытание боевой ракеты (это окончательно неясно и сегодня, почти 20 лет спустя), всему миру тогда были продемонстрированы новые возможности этого государства.

«Центральное ядерное сдерживание» во «втором ядерном веке» не исчезло, но, в отличие в «первого ядерного века», перестало быть главным, определяющим. Его как бы теснят другие составляющие, связанные с Китаем и новыми ядерными государствами. Эти акторы отличаются от участников «центрального сдерживания» (и шире — главных действующих лиц «холодной войны»), во-первых, характером политических целей, во-вторых, набором военно-технических средств, имеющихся в их распоряжении.

«Холодная война» была для ее участников вопросом выживания конкретной социально-политической системы, который сохранял свою актуальность по крайней мере до середины 1980-х годов. Более

скромный характер политических целей во «втором ядерном веке» снижает и «ставку» в конкуренции наиболее крупных субъектов мировой политики: речь о выживании их модели развития сегодня не идет и в обозримом будущем едва ли будет идти. В таком случае отпадает и необходимость нанесения удара «в сердце» противника, что в свое время вело к постоянному наращиванию дальности средств доставки ЯО. Гонка за дальностью продолжалась, пока не удалось достичь сначала межконтинентального, а затем и «глобального» охвата.

Вторым вектором развития ядерных сил в «первом ядерном веке», как показано ранее, была «погоня за контрсилowymi способностями». Азиатские члены «ядерного клуба» такой потребности пока не испытывают. Вместо этого они развивают средства средней дальности, предназначенные в первую очередь для нанесения противощенностных ударов в пределах региона, демонстрируя при этом и потенциал создания МБР (Индия, КНДР). В то же время устрашение соседей не является единственной функцией СЯС новых ядерных государств. Как справедливо отметил П. Брэкен, один из создателей концепции «второго ядерного века», потенциальной целью их ядерных сил становится, по его выражению, «ахиллесова пята американского военного присутствия в Азии» — инфраструктура США на заморских театрах военных действий (ТВД): базы, порты, аэродромы [Bracken, 2000: 151–152]. Действительно, успеху военных операций в Персидском заливе в 1991 и 2003 гг. и в Югославии в 1999 г. во многом способствовала пассивность оборонявшихся, что позволило США и их союзникам беспрепятственно осуществлять развертывание своих громоздких сил, опиравшихся на ограниченное число баз на ТВД.

П. Брэкен высказал предположение, что именно эта инфраструктура представляет собой оптимальную цель для ядерных сил азиатских членов «ядерного клуба». Действительно, если мы обратимся к доктринальным документам США того времени, например «Четырехлетнему обзору», вышедшему 30 сентября 2001 г., то увидим, что принцип «противодействия доступу» к инфраструктуре на ТВД (*anti-access*) является одним из ключевых, а ведение боевых действий, направленных на его реализацию, рассматривается в качестве наиболее вероятного сценария²³. В дальнейшем внимание к этому аспекту вооруженного противоборства постоянно увеличивалось вплоть до настоящего времени. Судя по всему, к аналогичным выводам пришли по итогам анализа конфликтов рубежа

²³ The Quadrennial Defense Review 2001 // Office of the Secretary of Defense. 30.09.2001. Available at: <http://www.comw.org/qdr/qdr2001.pdf> (accessed: 17.12.2017).

веков и в Пекине, поскольку «противодействие доступу» стало одним из приоритетов строительства вооруженных сил КНР на современном этапе. В свою очередь необходимость «противодействия противодействию» (*anti-anti-access*) превратилась для США и их союзников в один из главных мотивов для развития средств ПРО ТВД применительно к Восточной Азии, а затем и другим регионам.

В связи с этим для условий «второго ядерного века» становятся весьма актуальными размышления А.А. Свечина о «базировании и ударности». Рассматривая эти два элемента вооруженной борьбы, он отдавал приоритет роли «базирования», особенно в затяжной войне [Свечин, 1926: 8–18].

Если попытаться приложить его идеи к современным условиям, то можно заключить, что в контрсиловом варианте развития в «первом ядерном веке» наиболее важной целью были сильные стороны противника («ударность»), в то время как в противощенностном варианте «второго ядерного века» под удар ставятся прежде всего, наиболее слабые (уязвимые) элементы другой стороны («базирование»).

Наконец, еще одно фундаментальное отличие «второго ядерного века» от первого состоит в механизме эволюции сдерживания. В течение нескольких десятилетий оно развивалось прежде всего по логике двустороннего противостояния, почти не подверженного влиянию извне, со стороны третьих сил. Для «второго ядерного века» характерно то, что «азиатское сдерживание» не может быть самодостаточным, постоянно испытывает серьезное воздействие внешних сил, в значительной степени навязывающих новые «правила игры». В качестве примера подобного воздействия можно привести влияние агрессии НАТО в Югославии на ядерную политику азиатских держав. Хотя действия альянса были ограничены рамками региона, их последствия носили поистине глобальный характер. Использование военной силы в нарушение норм международного права, формировавшихся не только после Второй мировой войны, но и на протяжении более чем трех столетий развития системы международных отношений после Вестфальского мира 1648 г., породило многие негативные процессы в международной военно-политической сфере, последствия которых, в том числе для ядерного сдерживания, были фундаментальными.

Действия НАТО в Косово оказали влияние и на появление новых взглядов на роль ОМУ после завершения эпохи «холодной войны». В ходе операции НАТО в регионе во многих странах не раз возникал вопрос: было бы это возможно, обладай Белград ядерным оружием? Политические элиты таких государств, как Китай, Индия, Иран, КНДР (да и Россия тоже), вынуждены были задуматься

маться: кто будет следующим объектом «воспитания» и что следует предпринять для обеспечения национальной безопасности?

Различные варианты реакции новых членов «ядерного клуба» и «пороговых государств» на югославский сценарий были продемонстрированы в течение 1999–2000 гг. Например, Индия ответила целой серией публикаций по проекту новой ядерной доктрины, увеличением военных расходов и, что особенно примечательно, приоритетным развитием флота. Пакистан, несмотря на крайне тяжелую экономическую ситуацию, также предпринял соответствующие шаги в военном строительстве. Не остался безучастным и Иран. В КНДР, видимо, именно в это время были приняты решения в области военно-технической политики, которые привели страну сначала к созданию собственного ЯО, а затем и средств его доставки с возможностями, близкими к межконтинентальным.

Многое свидетельствует о том, что агрессия против Югославии в 1999 г. вкупе с пересмотром США политики в области ПРО в том же году привела к ускорению развития ракетно-ядерного потенциала Китая. В итоге по качественным параметрам своих СЯС, ядром которых будут мобильные твердотопливные МБР с РГЧ ИН, Китай начал приближаться к России и США. Одновременно Пекин благодаря сокращениям российских и американских ядерных сил после подписания нового Договора по СНВ (2010) сократил количественное отставание от первых двух ядерных держав и «ушел в отрыв» от Великобритании и Франции.

Таким образом, действия НАТО в Югославии нанесли значительный ущерб стратегической стабильности. Политика, зафиксированная в официальных документах альянса 1990-х годов и апробированная на Балканах, оказалась серьезным стимулом к ускорению процесса распространения ЯО, против которого существующие международно-правовые механизмы могут оказаться неэффективными, о чем свидетельствуют примеры Ирана и КНДР.

Стандартной в XXI в. может стать модель военного конфликта в виде крупномасштабного вмешательства внешних сил во внутренние дела государства или ограниченной войны со строго выверенными политическими целями. В современном мире существует немало реальных и потенциальных конфликтов, которые могут развиваться по подобной схеме. Это уже происходит в Сирии, где ядерный фактор присутствует фактически открыто, очерчивая возможности внешних сил по достижению радикальных политических целей. Внешнее вмешательство под предлогом необходимости избежать приближения к «ядерному порогу» может наблюдаться при размораживании таких «спящих» конфликтов, как ситуация на Корейском полуострове, индо-пакистанское столкновение в Кашмире,

арабо-израильский конфликт, «тайваньская проблема» и др. О том, что ядерное сдерживание может «работать» в подобных ситуациях, свидетельствует, на наш взгляд, опыт располагающего «ядерной бомбой в подвале» Израиля. На протяжении последних нескольких десятилетий (с 1982 г.) он ведет «вялотекущую войну» на своей территории, в секторе Газа и в Ливане, при этом союзники палестинцев вынуждены воздерживаться от крупномасштабного вмешательства в нее, не в последнюю очередь из-за страха перед возможным возмездием.

* * *

В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны продолжался «первый ядерный век». Изначально в силу наличия двух сверхдержав – СССР и США – и возглавляемых ими крупнейших военно-политических союзов ядерный баланс принял глобальный характер. В этот период существовало четкое разграничение между «центральным противостоянием» и периферийными интересами, а сдерживающая роль ЯО основывалась на убеждении, что его применение ведет к глобальной катастрофе. Для подавляющей части политиков «ядерное уравнение», по крайней мере в первом приближении, выглядело достаточно простым, сводясь к количествам боезарядов, обеспеченных средствами доставки.

1990-е годы можно рассматривать как паузу между двумя «ядерными веками», которой были присущи черты и того, и другого. К концу XX в. мир вступил во «второй ядерный век». Его особенность состоит в том, что центральный конфликт «холодной войны» исчез, но «центральное сдерживание» сохранилось и до конца 1990-х годов оставалось «центральным» по отношению к другим политическим конфигурациям с участием ядерных держав. Однако в условиях «второго ядерного века» в мировом силовом балансе рельефно выделилось несколько новых уровней, поскольку появилось несколько типов ядерных государств, сложились различные виды взаимоотношений между ядерными и неядерными державами.

Можно говорить о двух измерениях «второго ядерного века». В военно-техническом отношении это прежде всего размывание границы между ядерным и обычным арсеналом и перенос гонки вооружений из количественного измерения в качественное²⁴. Последняя черта присутствовала и в «первом ядерном веке», но сейчас, в условиях существующих договорных ограничений, она становится основной. Последствием этого может стать формирование «ядерной трешпо-

²⁴ Это явление будет представлять главную проблему для контроля над вооружениями, но это тема для самостоятельного исследования.

лярности», когда качественные характеристики СЯС США, России и Китая будут сопоставимы между собой и существенно отличаться от остальных членов «ядерного клуба»²⁵. Второе измерение – пространственное – вступление в «ядерный клуб» новых членов, не похожих по облику на «старых».

Каждое ядерное государство обладает собственной спецификой структуры и состава ядерных сил, ядерной политики, философии ядерного сдерживания, стратегической культуры, которые отражают особенности национальной психологии, традиции национальной политической и военной культуры. Так, если американская, советская (российская) и французская школы ядерной мысли строились на одном интеллектуальном фундаменте – европейском рационализме, то уже при первом взгляде на китайское стратегическое мышление становится очевидным влияние иной социокультурной базы, прежде всего наследия Сунь-цзы. При этом Китай был полностью интегрирован в политику «холодной войны» и оставался в тени «центрального ядерного сдерживания». Отношения же Индии и Пакистана, новых ядерных держав, совершенно иного рода. Дело не столько в том, что эти государства и их лидеры не прошли «школу» «холодной войны», сколько в характере разделяющего их конфликта.

Все это служит дополнительным аргументом в пользу того, что международные отношения вступили в новую фазу. Для ее характеристики уже подобрано новое определение, более удачное, чем много лет использовавшийся термин «период после окончания холодной войны». Это определение – «постзападный», взятый сейчас на вооружение уже не только учеными, но и политиками²⁶. В этом порядке Запад перестает быть единственным актором, устанавливающим правила функционирования системы международных отношений. Согласиться с этим, естественно, нелегко, что и наблюдается на таких примерах, как одновременная конфронтация США с Россией в Сирии и «торговая война» с Китаем. Эти разные явления объединяет одна логика – речь идет о новом мировом порядке.

Возможно, впервые его становление произойдет без большой войны, такой как Тридцатилетняя или наполеоновские. Эта надежда

²⁵ Подобная ситуация существовала очень короткое время в «первом ядерном веке» – в течение нескольких недель в 1952 г., когда третьим членом «ядерного клуба» стала Великобритания, но еще не началась «термоядерная революция».

²⁶ См., например: Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе 53-й Конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 18 февраля 2017 г. // Официальный сайт МИД России. Доступ: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2648249 (дата обращения: 12.02.2018). С.В. Лавров использовал термин «post-West».

основана на том, что в мировой политике существует ядерный фактор, поднявший «цену вопроса» при возможном переделе мира на очень большую высоту. О том, что этот фактор работает, свидетельствуют, в частности, Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2018 г. и реакция на него за рубежом. В том, что цена попыток строительства мирового порядка, не учитывающего интересы России, может оказаться неприемлемо высокой, не сомневается, наверное, никто.

Однако ядерный фактор несет с собой и серьезные риски, поэтому для интересов национальной безопасности России в условиях нового стратегического ландшафта XXI в. как никогда важно учитывать не только «центральный» ядерный баланс Россия—США (до сих пор воспроизводящий в уменьшенном виде баланс СССР—США), но и все остальные компоненты «мирового ядерного уравнения», сколько бы малыми они ни выглядели на сегодняшний день в чисто количественном выражении. Только их учет позволяет представить сложнейшую систему военно-политического взаимодействия ведущих государств мира в условиях «второго ядерного века».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Броди Б. Стратегия в век ракетного оружия. М.: Воениздат, 1961.
2. Военная политика и национальная безопасность. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
3. Дин Г. Вступление // Киссингер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 33–37.
4. Дуэ Дж. Господство в воздухе. Сборник трудов по вопросам воздушной войны. М.: Воениздат НКО СССР, 1936.
5. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Институт психологии РАН, 2016.
6. Кан Г. Об эскалации. М.: Воениздат, 1966.
7. Киссингер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
8. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934.
9. Кокошин А.А. Развитие военного дела и сокращение вооруженных сил и обычных вооружений // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 1. С. 20–32.
10. Кокошин А.А. Ядерное сдерживание и национальная безопасность России // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 10. С. 893–904.
11. Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке. М.: Медиа-Пресс, 2003.
12. Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В. Сдерживание во «втором ядерном веке». М.: Институт проблем международной безопасности РАН, 2001.

13. Осгуд Р. Ограниченная война. М.: Воениздат, 1960.
14. Савельев А.Г. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения // О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения. Рабочая тетрадь № IX / Под ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. С. 4–15.
15. Свечин А.А. Базирование и ударность (Вместо предисловия ко второму тому) // Стратегия в трудах военных классиков / Под ред. А.А. Свечина. Т. 2. М.: Государственное военное издательство, 1926. С. 7–20.
16. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование // Конрад Н.И. Избранные труды: Синология. М.: Ладомир, 1995. С. 14–284.
17. Фененко А.В., Веселов В.А. «Воздушная мощь» в мировой политике // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 6–27.
18. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007.
19. The absolute weapon: Atomic power and world order / Ed. by B. Brodie et al. New York: Harcourt; Brace and Company, 1946.
20. The absolute weapon revisited: Nuclear arms and the emerging international order / Ed. by T.V. Paul, R.J. Harknett, J.J. Wirtz. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
21. Arnett E.H. Deterrence after nuclear proliferation: Implications for nuclear forces and defense spending // The Nonproliferation Review. 1994. Vol. 1. No. 2. P. 10–17.
22. Asia in the second nuclear age / Ed. by A.J. Tellis, A.M. Denmark, T. Tanner. Seattle: The National Bureau of Asian Research, 2013.
23. Betts R.K. Nuclear peace and conventional war // The Journal of Strategic Studies. 1988. Vol. 11. No. 1. P. 79–95.
24. Bracken P. Fire in the East: The rise of Asian military power and the second nuclear age. New York: Harper Collins, 1999.
25. Bracken P. The second nuclear age // Foreign Affairs. 2000. No. 1. P. 146–156.
26. Bracken P. The second nuclear age: Strategy, danger, and the new power politics. New York: Henry Holt and Co., 2012.
27. Bracken P. The structure of the second nuclear age // Orbis. 2003. Vol. 47. No. 3. P. 399–413.
28. Brodie B. The anatomy of deterrence. Santa Monica: RAND Corporation, RM-2218, 1958.
29. Brodie B. Escalation and the nuclear option. Princeton: Princeton University Press, 1966.
30. Brodie B. War in the atomic age // The absolute weapon: Atomic power and world order / Ed. by B. Brodie et al. New York: Harcourt, Brace and Company, 1946. P. 21–69.
31. Brooks L., Gavin F.J., Arbatov A. Meeting the challenges of the new nuclear age: U.S. and Russian nuclear concepts, past and present // American Academy of Arts & Sciences. 2018. Available at: <https://www.amacad.org/multimedia/pdfs/publications/researchpapersmonographs/New-Nuclear-Age.pdf> (accessed: 12.02.2018).
32. Brooks L., Rapp-Hooper M. Extended deterrence, assurance, and reassurance in the Pacific during the second nuclear age // Asia in the second nuclear

age / Ed. by A.J. Tellis, A.M. Denmark, T. Tanner. Seattle: The National Bureau of Asian Research, 2013. P. 267–299.

33. Broschious S.D. Longing for international control, banking on American superiority: Harry S. Truman's approach to nuclear weapons // *Cold War statesmen confront the bomb: Nuclear diplomacy since 1945* / Ed. by J.L. Gaddis. Oxford; New York: Oxford University Press, 1999. P. 15–38.

34. Cha V. The second nuclear age: Proliferation pessimism versus sober optimism in South Asia and East Asia // *Journal of Strategic Studies*. 2001. Vol. 24. No. 4. P. 79–120.

35. Clearwater J.M. Johnson, McNamara, and the birth of SALT and the ABM Treaty 1963–1969. Rutherford, NJ: Academic Research Group, 1999.

36. Curatola J.M. Bigger bombs for a brighter tomorrow: The Strategic Air Command and American war plans at the dawn of the atomic age, 1945–1950. Jefferson: McFarland & Company, 2016.

37. Daugherty W., Levi B., Von Hippel F. The consequences of 'limited' nuclear attacks on the United States // *International Security*. 1986. Vol. 10. No. 4. P. 3–45.

38. Ferguson Ch.D., MacDonald B.W. Nuclear dynamics in a multipolar strategic ballistic missile defense world // *Federation of American Scientists*. July 2017. Available at: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Nuclear-Dynamics-In-A-Multipolar-Strategic-Ballistic-Missile-Defense-World.pdf> (accessed: 12.12.2017).

39. Freedman L. The evolution of nuclear strategy. 3rd ed. New York: Palgrave Macmillan, 2003.

40. Freedman L. The revolution in strategic affairs. London; New York: Oxford University Press for the International Institute for Strategic Studies, 1998.

41. Garcia Z. Strategic stability in the twenty-first century: The challenge of the second nuclear age and the logic of stability interdependence // *Comparative Strategy*. 2017. Vol. 36. No. 4. P. 354–365.

42. Gerson M.S. Conventional deterrence in the second nuclear age // *Parameters*. 2009. Vol. 39. No. 3. P. 32–48.

43. Gray C.S. The second nuclear age. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999.

44. Halperin M.H. Limited war in the nuclear age. New York: Wiley, 1963.

45. Halperin M.H. Nuclear weapons and limited war // *Journal of Conflict Resolution*. 1961. Vol. 5. No. 2. P. 146–166.

46. Herken G. The winning weapon: The atomic bomb in the Cold War, 1945–1950. Princeton: Princeton University Press, 1988.

47. Huntington S.P. Conventional deterrence and conventional retaliation in Europe // *International Security*. 1983. Vol. 8. No. 3. P. 32–56.

48. Iklé F.Ch. The second coming of the nuclear age // *Foreign Affairs*. 1996. Vol. 74. No. 1. P. 119–128.

49. Kahn H. On thermonuclear war. Princeton: Princeton University Press, 1961.

50. Kampani G. China–India nuclear rivalry in the 'second nuclear age'. Oslo: The Norwegian Institute for Defense Studies, 2014.

51. Kampani G., Gopalaswamy B. Asia in the 'second nuclear age'. Atlantic Council. November 2017.
52. Kaplan E. To kill nations: American strategy in the air-atomic age and the rise of mutually assured destruction. Ithaca: Cornell University Press, 2015.
53. Kaplan M.A. The calculus of deterrence // World Politics. 1958. Vol. 11. No. 1. P. 20–44.
54. Kaplan M.A. The strategy of limited retaliation. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of International Studies. Policy memorandum No. 19. Princeton: Princeton University Press, 1959.
55. Katz A. Life after nuclear war: The economic and social impacts of nuclear attacks on the United States. Cambridge, MA: Ballinger Pub. Co., 1982.
56. Katz A., Osdoby S.R. The social and economic effects of nuclear war // CATO Institute Policy Analysis. 1982. No. 9. April 21. Available at: <https://object.cato.org/pubs/pas/pa009.pdf> (accessed: 17.12.2017).
57. Kaufmann W.W. The evolution of deterrence 1945–1958. Santa Monica: RAND Corporation, 1958.
58. Kaufmann W.W. The requirements of deterrence. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of International Studies. Memorandum No. 7. Princeton: Princeton University Press, Center of International Studies, 1954.
59. Kent G.A., Ochmanek D., Spirtas M., Pirnie B.R. Thinking about America's defense: An analytical memoir. Santa Monica: RAND Corporation, 2008. Available at: https://www.rand.org/pubs/occasional_papers/OP223.html (accessed: 17.12.2017).
60. Kissinger H.A. The necessity for choice: Prospects of American foreign policy. New York: Harper and Brothers, 1960.
61. Knorr K. On the uses of military power in the nuclear age. Princeton: Princeton University Press, 1966.
62. Koblentz G.D. Strategic stability in the second nuclear age // Council on Foreign Relations. November 2014. Special Report No. 71. Available at: https://www.cfr.org/sites/default/files/pdf/2014/11/Second%20Nuclear%20Age_CSR71.pdf (accessed: 17.12.2017).
63. Krepinevich A.F. US nuclear forces: Meeting the challenge of a proliferated world. Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2009.
64. Krepon M. Numerology in the second nuclear age // IFRI Proliferation Papers. Fall 2009. No. 30. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/enotes/proliferation-papers/numerology-second-nuclear-age> (accessed: 17.12.2017).
65. Lavoy P.R. The strategic consequences of nuclear proliferation: A review essay // Security Studies. 1995. Vol. 4. No. 4. P. 695–753.
66. Levite A.E. Heading for the fourth nuclear age // IFRI Proliferation Papers. Winter 2009. No. 24. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/enotes/proliferation-papers/heading-fourth-nuclear-age> (accessed: 17.12.2017).
67. Limited strategic war / Ed. by K. Knorr, Th. Read. New York: Published for the Center of International Studies, Princeton University, by Praeger, 1962.
68. Marlo F.H. Planning Reagan's war: Conservative strategists and America's Cold War victory. Washington, D.C.: Potomac Books, 2012.

69. Mearsheimer J.J. *Conventional deterrence*. Ithaca: Cornell University Press, 1983.

70. Mearsheimer J.J. Why the Soviets can't win quickly in central Europe // *International Security*. 1982. Vol. 7. No. 1. P. 3–39.

71. Mills M., Toon O., Lee-Taylor J., Robock A. Multi-decadal global cooling and unprecedented ozone loss following a regional nuclear conflict // *Earth's Future*. 2014. Vol. 2. No. 4. P. 161–176.

72. Montgomery E. Extended deterrence in the second nuclear age // *Center for Strategic and Budgetary Assessments*. 2016. Available at: http://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6183-ExtendedDeterrence_PRINT.pdf (accessed: 17.12.2017).

73. Narang V. *Nuclear strategy in the modern era: Regional powers and international conflict*. Princeton: Princeton University Press, 2014.

74. Payne K.B. *Deterrence in the second nuclear age*. Lexington: University Press of Kentucky, 1996.

75. Rearden S.L. *US strategic bombardment doctrine since 1945 // Case studies in strategic bombardment / Ed. by R. Cargill Hall*. Washington, D.C.: Air Force Historical Studies Office, 1998. P. 383–467.

76. Richelson J. PD-59, NSDD-13 and the Reagan strategic modernization program // *The Journal of Strategic Studies*. 1983. Vol. 6. No. 2. P. 125–146.

77. Robock A., Oman L., Stenchikov G.L. Nuclear winter revisited with a modern climate model and current nuclear arsenals: Still catastrophic consequences // *Journal of Geophysical Research. Atmospheres*. 2007. Vol. 112. No. D13107. P. 1–14.

78. Robock A., Toon O. Self-assured destruction: The climate impacts of nuclear war // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2012. Vol. 68. No. 5. P. 66–74.

79. Rosenberg D.A. The origins of overkill: Nuclear weapons and American strategy, 1945–1960 // *International Security*. 1983. Vol. 7. No. 4. P. 3–71.

80. Rühle M. Enlightenment in the second nuclear age // *International Affairs*. 2007. Vol. 83. No. 3. P. 511–522.

81. Sagan S.D. *Moving targets: Nuclear strategy and American security*. Princeton: Princeton University Press, 1989.

82. Sagan S.D. SIOP-62: The nuclear war plan briefing to President Kennedy // *International Security*. 1987. Vol. 12. No. 1. P. 22–51.

83. Sagan S.D., Waltz K.N. *The spread of nuclear weapons: A debate*. New York: W.W. Norton, 1995.

84. Schelling Th. *Arms and influence*. New Haven: Yale University Press, 1966.

85. Schnabel J.F. *History of the Joint Chiefs of Staff: The Joint Chiefs of Staff and national policy*. Vol. 1. 1945–1947. Washington, D.C.: Office of the Chairman of the Joint Chiefs of Staff. 1996. Available at: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/History/Policy/Policy_V001.pdf (accessed: 17.12.2017).

86. Snyder G.H. *Deterrence and defense: Toward a theory of national security*. Princeton: Princeton University Press, 1961.

87. Snyder G.H. Deterrence and power // *Journal of Conflict Resolution*. 1960. Vol. 6. No. 3. P. 163–178.

88. Snyder G.H. *Deterrence by denial and punishment*. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of Interna-

tional Studies. Research monograph No. 40. Princeton: Princeton University Press, 1959.

89. Strategy in the second nuclear age: Power, ambition, and the ultimate weapon / Ed. by T. Yoshihara, J.R. Holmes. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2012.

90. Wellerstein A. The psychological power of nuclear weapons // Bulletin of the Atomic Scientists. 2016. Vol. 72. No. 5. P. 298–303.

91. Wohlstetter A.J. The delicate balance of terror. Santa Monica: RAND Corporation, P-1472, 1958. Available at: <https://www.rand.org/pubs/papers/P1472.html> (accessed: 12.12.2017).

V.A. Veselov

**AT THE TURN OF THE NUCLEAR AGES:
STRATEGIC STABILITY
AND CONTOURS OF A NEW WORLD ORDER**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The year 2018 is rich with anniversaries. In the current international context the 50th anniversary of the Nuclear Non-Proliferation Treaty is certainly having special relevance. However, in the view of the need to examine the prospects of ensuring strategic stability, the role of nuclear weapons in world politics and the contours of the new world order yet another anniversary – twenty years from the beginning of the ‘second nuclear age’ – is just as important. In order to identify the substantive aspects of this phenomenon this paper provides a comparative analysis of distinctive features of both the first and the second nuclear ages. The author identifies the causes and prerequisites for the beginning of the ‘first nuclear age’ and examines, on the basis of a wide range of policy papers and analytical reports, the evolution of the United States’ approaches to nuclear strategy, deterrence and military and political goal setting. Special focus is on such issues as the achievement of strategic parity between the Soviet Union and the United States and the role of the Strategic Arms Limitation Talks Agreement and the 1972 Anti-Ballistic Missile Treaty in the development of the concept of strategic stability and informal code of conduct of nuclear powers. The paper emphasizes that although the ‘first nuclear age’ coincides chronologically with the Cold War, these two phenomena are not identical. As for the ‘second nuclear age’, the author links its emergence with such developments as India and Pakistan joining the nuclear ‘club’, long-range missile tests carried out by the DPRK, and the revision of the U.S. policy regarding the anti-missile defense which led to the abrogation of the Anti-Ballistic Missile Treaty. The author concludes that defining characteristics of the ‘second nuclear age’ include the retention of the ‘central deterrence’ accompanied by a growing importance of new political formats involving both nuclear and non-nuclear states, many of which have culturally specific approaches to

military policy and strategic planning. All these factors combined form a backbone of military and political interactions between the leading powers within the emerging world order.

Keywords: ‘second nuclear age’, nuclear deterrence, strategic stability, mutually assured destruction, the Cold War, nuclear ‘club’, flexible response, international security, world order, international system, Nuclear Non-Proliferation Treaty.

About the author: *Vasilii A. Veselov* – Senior Lecturer, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with financial support from the RFBR, research project № 15-37-11136.

REFERENCES

1. Brodie B. 1961. *Strategy in the missile age*. Princeton, Princeton University Press [Russ. ed.: Brodi B. 1961. *Strategiya v vek raketnogo oruzhiya*. Moscow, Voenizdat Publ.].
2. Kaufmann W.W. (ed.). 1956. *Military policy and national security*. Princeton, Princeton University Press [Russ. ed.: *Voennaya politika i natsional'naya bezopasnost'*. 1958. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ.].
3. Dean G. 1957. Vvedenie [Introduction]. In Kissinger H.A. *Nuclear weapons and foreign policy*. New York, Published for the Council on Foreign Relations by Harper [Russ. ed.: Kissinger H. 1959. *Yadernoe oruzhie i vneshnyaya politika*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ.], pp. 33–37.
4. Douhet G. 1936. *Gospodstvo v vozdukh*e [Command of the air]. Moscow, Voenizdat NKO SSSR Publ. (In Russ.)
5. Zhuravlev A.L., Nestik T.A., Sosnin V.A. 2016. *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty geopoliticheskoi stabil'nosti i yadernogo sderzhivaniya v XXI veke* [Social and psychological components of the geopolitical stability and nuclear deterrence in the XXI century']. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
6. Kahn H. 1965. *On escalation: Metaphors and scenarios*. New York, Frederick A. Praeger [Russ. ed.: Kan G. 1966. *Ob eskalatsii*. Moscow, Voenizdat Publ.].
7. Kissinger H.A. 1957. *Nuclear weapons and foreign policy*. New York, Published for the Council on Foreign Relations by Harper [Russ. ed.: Kissinger H. 1959. *Yadernoe oruzhie i vneshnyaya politika*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ.].
8. Clausewitz C. 1934. *O voine* [On war]. Moscow, Gosvoenizdat Publ. (In Russ.)
9. Kokoshin A.A. 1988. Razvitie voennogo dela i sokrashchenie vooruzhennykh sil i obychnykh vooruzhenii [Development of military art and the reduction of armed forces and conventional armaments]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 1, pp. 20–32. (In Russ.)
10. Kokoshin A.A. 1999. Yadernoe sderzhivanie i natsional'naya bezopasnost' Rossii [Nuclear deterrence and Russia's national security]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, no. 10, pp. 893–904. (In Russ.).
11. Kokoshin A.A. 2003. *Yadernye konflikty v XXI veke (tipy, formy, vozmozhnye uchastniki)* [Nuclear conflicts in the XXI century: Types, forms, and potential participants]. Moscow, Media-Press Publ. (In Russ.).

12. Kokoshin A.A., Veselov V.A., Liss A.V. 2001. *Sderzhivanie vo 'vtorom yadernom veke'* [Deterrence in the 'second nuclear age']. Moscow, IPMB RAN Publ. (In Russ.)

13. Osgood R.E. 1957. *Limited war: The challenge to American strategy*. Chicago, University of Chicago Press [Osgud R. 1960. *Ogranichennaya voina*. Moscow, Voenizdat Publ.].

14. Savel'ev A.G. 2013. O mnogostoronnem podkhode k probleme yadernogo razoruzheniya [On multilateral approach to nuclear disarmament]. In Ivanov I.S. (ed.). *O mnogostoronnem podkhode k probleme yadernogo razoruzheniya*, no. IX [On multilateral approach to nuclear disarmament]. Moscow, Spetskniga Publ., pp. 4–15. (In Russ.)

15. Svechin A.A. 1926. Bazirovanie i udarnost' [Deployment and strike potential]. In Svechin A.A. (ed.). *Strategiya v trudakh voennykh klassikov* [Strategy in works of military classics]. Vol. 2. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Publ., pp. 7–20. (In Russ.)

16. Sun Tzu. 1995. Traktat o voennom iskusstve [The art of war]. In Konrad N.I. *Sinologiya* [Sinology]. Moscow, Ladomir Publ., pp. 14–284. (In Russ.)

17. Fenenko A.V., Veselov V.A. 'Vozdushnaya moshch' v mirovoi politike ['Airpower' in international politics]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 14, no. 3, pp. 6–27. (In Russ.)

18. Schelling Th. 1960. *The strategy of conflict*. Cambridge, Harvard University Press [Russ. ed.: Shelling T. 2007. *Strategiya konflikta*. Moscow, IRISEN Publ.].

19. Brodie B. et al. (eds.). 1946. *The absolute weapon: Atomic power and world order*. New York, Harcourt, Brace and Company.

20. Paul T.V., Harknett R.J., Wirtz J.J. (eds.). 1998. *The absolute weapon revisited: Nuclear arms and the emerging international order*. Ann Arbor, University of Michigan Press.

21. Arnett E.H. 1994. Deterrence after nuclear proliferation: Implications for nuclear forces and defense spending. *The Nonproliferation Review*, vol. 1, no. 2, pp. 10–17.

22. Tellis A.J., Denmark A.M., Tanner T. (eds.). 2013. *Asia in the second nuclear age*. Seattle, The National Bureau of Asian Research.

23. Betts R.K. 1988. Nuclear peace and conventional war. *The Journal of Strategic Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 79–95.

24. Bracken P. 1999. *Fire in the East: The rise of Asian military power and the second nuclear age*. New York, HarperCollins.

25. Bracken P. 2000. The second nuclear age. *Foreign Affairs*, no. 1, pp. 146–156.

26. Bracken P. 2012. *The second nuclear age: Strategy, danger, and the new power politics*. New York, Henry Holt and Co.

27. Bracken P. 2003. The structure of the second nuclear age. *Orbis*, vol. 47, no. 3, pp. 399–413.

28. Brodie B. 1958. *The anatomy of deterrence*. Santa Monica, RAND Corporation, RM-2218.

29. Brodie B. 1966. *Escalation and the nuclear option*. Princeton, Princeton University Press.

30. Brodie B. 1946. War in the atomic age. In Brodie B et al. (eds.). *The absolute weapon: Atomic power and world order*. New York, Harcourt, Brace and Company.

31. Brooks L., Gavin F.J., Arbatov A. 2018. *Meeting the challenges of the new nuclear age: U.S. and Russian nuclear concepts, past and present*. American Academy of Arts & Sciences. Available at: <https://www.amacad.org/multimedia/pdfs/publications/researchpapersmonographs/New-Nuclear-Age.pdf> (accessed: 12.02.2018).

32. Brooks L., Rapp-Hooper M. 2013. Extended deterrence, assurance, and reassurance in the Pacific during the second nuclear age. In Tellis A.J., Denmark A.M., Tanner T. (eds.). *Asia in the second nuclear age*. Seattle, The National Bureau of Asian Research, pp. 267–299.

33. Broscious S.D. 1999. Longing for international control, banking on American superiority: Harry S. Truman's approach to nuclear weapons. In Gaddis J.L. (ed.). *Cold War statesmen confront the bomb: Nuclear diplomacy since 1945*. Oxford; New York, Oxford University Press, pp. 15–38.

34. Cha V. 2001. The second nuclear age: Proliferation pessimism versus sober optimism in South Asia and East Asia. *Journal of Strategic Studies*, vol. 24, no. 4, pp. 79–120.

35. Clearwater J.M. 1996. *Johnson, McNamara, and the birth of SALT and the ABM Treaty 1963–1969*. Universal-Publishers.

36. Curatola J.M. 2016. *Bigger bombs for a brighter tomorrow: The Strategic Air Command and American war plans at the dawn of the atomic age, 1945–1950*. Jefferson, McFarland & Company.

37. Daugherty W., Levi B., Von Hippel F. 1986. The consequences of 'limited' nuclear attacks on the United States. *International Security*, vol. 10, no. 4, pp. 3–45.

38. Ferguson Ch.D., MacDonald B.W. 2017. *Nuclear dynamics in a multipolar strategic ballistic missile defense world*. Federation of American Scientists. Available at: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Nuclear-Dynamics-In-A-Multipolar-Strategic-Ballistic-Missile-Defense-World.pdf> (accessed: 12.12.2017).

39. Freedman L. 2003. *The evolution of nuclear strategy*. 3rd ed. New York, Palgrave Macmillan.

40. Freedman L. 1998. *The revolution in strategic affairs*. London; New York, Oxford University Press for the International Institute for Strategic Studies.

41. Garcia Z. 2017. Strategic stability in the twenty-first century: The challenge of the second nuclear age and the logic of stability interdependence. *Comparative Strategy*, vol. 36, no. 4, pp. 354–365.

42. Gerson M.S. 2009. Conventional deterrence in the second nuclear age. *Parameters*, vol. 39, no. 3, pp. 32–48.

43. Gray C.S. 1999. *The second nuclear age*. Boulder, Lynne Rienner Publishers.

44. Halperin M.H. 1963. *Limited war in the nuclear age*. New York, Wiley.

45. Halperin M.H. 1961. Nuclear weapons and limited war. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 5, no. 2, pp. 146–166.

46. Herken G. 1988. *The winning weapon: The atomic bomb in the Cold War, 1945–1950*. Princeton, Princeton University Press.

47. Huntington S.P. 1983. Conventional deterrence and conventional retaliation in Europe. *International Security*, vol. 8, no. 3, pp. 32–56.
48. Iklé F.Ch. 1996. The second coming of the nuclear age. *Foreign Affairs*, vol. 74, no. 1, pp. 119–128.
49. Kahn H. 1961. *On thermonuclear war*. Princeton, Princeton University Press.
50. Kampani G. 2014. *China–India nuclear rivalry in the ‘second nuclear age’*. Oslo, The Norwegian Institute for Defense Studies.
51. Kampani G., Gopalaswamy B. 2017. *Asia in the ‘second nuclear age’*. Atlantic Council.
52. Kaplan E. 2015. *To kill nations: American strategy in the air-atomic age and the rise of mutually assured destruction*. Ithaca, Cornell University Press.
53. Kaplan M.A. 1958. The calculus of deterrence. *World Politics*, vol. 11, no. 1, pp. 20–44.
54. Kaplan M.A. 1959. *The strategy of limited retaliation*. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of International Studies. Policy memorandum No. 19. Princeton, Princeton University Press.
55. Katz A. 1982. *Life after nuclear war: The economic and social impacts of nuclear attacks on the United States*. Cambridge, MA, Ballinger Pub. Co.
56. Katz A., Osdoby S.R. 1982. The social and economic effects of nuclear war. *CATO Institute Policy Analysis*, no. 9. Available at: <https://object.cato.org/pubs/pas/pa009.pdf> (accessed: 17.12.2017).
57. Kaufmann W.W. 1958. *The evolution of deterrence 1945–1958*. Santa Monica, RAND Corporation.
58. Kaufmann W.W. 1954. *The requirements of deterrence*. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of International Studies. Memorandum No. 7. Princeton, Princeton University, Center of International Studies.
59. Kent G.A., Ochmanek D., Spirtas M., Pirnie B.R. 2008. *Thinking about America’s defense: An analytical memoir*. Santa Monica, RAND Corporation.
60. Kissinger H.A. 1960. *The necessity for choice: Prospects of American foreign policy*. New-York, Harper and Brothers.
61. Knorr K. 1966. *On the uses of military power in the nuclear age*. Princeton, Princeton University Press.
62. Koblentz G.D. 2014. *Strategic stability in the second nuclear age*. Council on Foreign Relations. Special Report No. 71. Available at: https://www.cfr.org/sites/default/files/pdf/2014/11/Second%20Nuclear%20Age_CSR71.pdf (accessed: 17.12.2017).
63. Krepinevich A.F. 2009. *US nuclear forces: Meeting the challenge of a proliferated world*. Washington, D.C., Center for Strategic and Budgetary Assessments.
64. Krepon M. 2009. Numerology in the second nuclear age. *IFRI Proliferation Papers*, no. 30. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/enotes/proliferation-papers/numerology-second-nuclear-age> (accessed: 17.12.2017).
65. Lavoy P.R. 1995. The strategic consequences of nuclear proliferation: A review essay. *Security Studies*, vol. 4, no. 4, pp. 695–753.

66. Levite A.E. 2009. Heading for the fourth nuclear age. *IFRI Proliferation Papers*, no. 24. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/enotes/proliferation-papers/heading-fourth-nuclear-age> (accessed: 17.12.2017).

67. Knorr K., Read Th. (eds.). 1962. *Limited strategic war*. New York: Published for the Center of International Studies, Princeton University, by Praeger.

68. Marlo F.H. 2012. *Planning Reagan's war: Conservative strategists and America's Cold War victory*. Washington, D.C., Potomac Books.

69. Mearsheimer J.J. 1983. *Conventional deterrence*. Ithaca, Cornell University Press.

70. Mearsheimer J.J. 1982. Why the Soviets can't win quickly in central Europe. *International Security*, vol. 7, no. 1, pp. 3–39.

71. Mills M., Toon O., Lee-Taylor J., Robock A. 2014. Multi-decadal global cooling and unprecedented ozone loss following a regional nuclear conflict. *Earth's Future*, vol. 2, no. 4, pp. 161–176.

72. Montgomery E. 2016. *Extended deterrence in the second nuclear age*. Center for Strategic and Budgetary Assessments. Available at: http://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6183-ExtendedDeterrence_PRINT.pdf (accessed: 17.12.2017).

73. Narang V. 2014. *Nuclear strategy in the modern era: Regional powers and international conflict*. Princeton, Princeton University Press.

74. Payne K.B. 1996. *Deterrence in the second nuclear age*. Lexington, University Press of Kentucky.

75. Rearden S.L. 1998. US strategic bombardment doctrine since 1945. In Cargill Hall R. (ed.). *Case studies in strategic bombardment*. Washington, D.C., Air Force Historical Studies Office, pp. 383–467.

76. Richelson J. 1983. PD-59, NSDD-13 and the Reagan strategic modernization program. *The Journal of Strategic Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 125–146.

77. Robock A., Oman L., Stenchikov G.L. 2007. Nuclear winter revisited with a modern climate model and current nuclear arsenals: Still catastrophic consequences. *Journal of Geophysical Research. Atmospheres*, vol. 112, no. D13107, pp. 1–14.

78. Robock A., Toon O. 2012. Self-assured destruction: The climate impacts of nuclear war. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 68, no. 5, pp. 66–74.

79. Rosenberg D.A. 1983. The origins of overkill: Nuclear weapons and American strategy, 1945–1960. *International Security*, vol. 7, no. 4, pp. 3–71.

80. Rühle M. 2007. Enlightenment in the second nuclear age. *International Affairs*, vol. 83, no. 3, pp. 511–522.

81. Sagan S.D. 1989. *Moving targets: Nuclear strategy and American security*. Princeton, Princeton University Press.

82. Sagan S.D. 1987. SIOP-62: The nuclear war plan briefing to President Kennedy. *International Security*, vol. 12, no. 1, pp. 22–51.

83. Sagan S.D., Waltz K.N. 1995. *The spread of nuclear weapons: A debate*. New York, W.W. Norton.

84. Schelling Th. 1966. *Arms and influence*. New Haven, Yale University Press.

85. Schnabel J.F. 1996. *History of the Joint Chiefs of Staff: The Joint Chiefs of Staff and national policy. Vol. 1. 1945–1947*. Washington, D.C., Office of the

Chairman of the Joint Chiefs of Staff. Available at: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/History/Policy/Policy_V001.pdf (accessed: 17.12.2017).

86. Snyder G.H. 1961. *Deterrence and defense: Toward a theory of national security*. Princeton, Princeton University Press.

87. Snyder G.H. 1960. Deterrence and power. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 6, no. 3, pp. 163–178.

88. Snyder G.H. 1959. *Deterrence by denial and punishment*. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of International Studies, Research monograph No. 40. Princeton, Princeton University Press.

89. Yoshihara T., Holmes J.R. (eds.). 2012. *Strategy in the second nuclear age: Power, ambition, and the ultimate weapon*. Georgetown University Press.

90. Wellerstein A. 2016. The psychological power of nuclear weapons. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 72, no. 5, pp. 298–303.

91. Wohlstetter A.J. 1958. *The delicate balance of terror*. Santa Monica, RAND Corporation, P-1472. Available at: <https://www.rand.org/pubs/papers/P1472.html> (accessed: 12.12.2017).